

Журнал "Вокруг Света"

№2, февраль 1962

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №2, февраль 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43213-9

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Лодка вернулась на базу- Песнь Новой Каховки- Курс на Кубу- Тадж-Махал- Через Кавказский хребет

ISBN 978-5-458-43213-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Вертолет тут был из ледовой разведки. Уговорила. Они сначала на Врангеля зайдут, потом к вам...

— Улетела, — кивают нам знакомые чукчи.

— Сегодня улетела, — попыхивает трубочкой старина Пыныч.

— Улетела, улетела, — гомонят на берегу ребятишки в кухлянках.

Наверное, вид у нас обескураженный, потому что каждая морщинка на лице дяди Кости начинает выражать участливое сожаление. Тюкают топоры, прохладный ветер с моря гоняет папиросные дымки.

Эта история начинает меня злить. Мы мрачно бредем на почту, потом в магазин. По дороге приходится раскланиваться направо и налево. Ребятишки бесхитростно повторяют нам историю про вертолет, девушку и занятых пилотов. Делать нечего, надо подаваться обратно.

Зверь-двигатель угрожающе пропускает такты. На всякий случай держимся поближе к берегу. Светлые волны хлещут камни по щекам, а те воспринимают это с завидным спокойствием.

— Черт бы побрал эту девицу! Наверняка какой-нибудь крокодил в юбке.

— Почему?

— Красивых в экспедицию не загонишь. Есть такой объективный закон природы. А если попадет, так и в тундру — с пудрой. Видал. Знаю.

Мы упражняемся в шутках о любви с первого взгляда. Видимо, живность в Чукотском море не любит грубых острот: нерп нет, чаек тоже. Ветер режется не на шутку. Страшновато. Как-то там Мишка? По вечерам о друзьях думаешь чаще и теплее.

Все же в самом устье мотор заглох.

Стемнело, и, выгребая, мы немного ошиблись и наскочили на мель. Вельбот стукнуло днищем, несколько ведер воды заплеснуло в лодку. Мы вымокли и разозлились. Пока гребли вверх к палатке, стало и вовсе темно.

Перед палаткой горит костер. У меня легчает на сердце, потому что у костра двое. Значит, Мишка вернулся. Пришел наш шалопутный Борода, как всегда, точно в срок. Не поломал ноги на кочках, в мерзлотных трещинах возле озер, не случился у него приступ аппендицита и не встретились медведи с мрачным юмором — пришел Мишка. Теперь нам наплевать, кто там второй: будь то сама Сильвана Пампанини или крокодил в юбке.

Идем усталые, мокрые и злые. Палатка и кусок тундры возле нее давно уже считаются нашим домом. Леха бормочет поговорку о татарине. Но через минуту мы уже забываем о поговорках, и вообще о многом забываем.

Мишка сидит как обычно. Рыжая борода лезет в вырез кухлянки, голова поросла свинячьим ворсом. Нос картошкой, лицо чуть опухло от морских и тундровых ветров. Хорош!

Но рядом с Мишкой сидит и смотрит нам навстречу чудо природы.

У этого чуда кругловатое лицо, пикантно вздернутый носик, и еще у чуда есть глаза. Бывают голубые глаза-озера, бывают темные глаза-колодцы, бывают глаза-пропасти. У данного чуда природы совершенно определенно глаза-пропасти. Вероятно, мы с Лехой немного ошалели. Мы машинально проделываем традиционный ритуал знакомства...

— Вы же, наверное, есть хотите? — заторопилась она. — Я тут не теряла времени даром. Знаменитый черепаховый суп из свиной тушенки.

— Да нет... Мы недавно пообедали... Но вообще-то можно, — смущенно врет Леха.

Не узнаю своих парней. А Люся — чудо природы — будто ничего и не замечает.

— Вы, как бесстрашные викинги, появляетесь ночью и в штормовую погоду. Я уж думала, одной придется хозяйничать. Миша пришел полчаса назад. Жаль, что я не смогла плыть на вашей шхуне...

Викинги... Шхуна... А я-то думал, что только мы любим эту романтическую чепуху.

Суп по всем правилам завернут в спальный мешок. Даже чашки — о боже! — вымыты. Нет, такое только в книгах. Я слышу тихий стон Мишки Бороды. Что случилось с нашим мужественным бродягой?

Рядом с кастрюлей стоит бутылка вина.

— Айгешат! — стонет Мишка.

— Это для знакомства.

— Мадэмуазель, — склоняет голову Леха. — В этих ватных штанах мне трудно походить на герцога, но позвольте поцеловать вашу руку. В знак уважения. У вас экспедиционная душа — это высокий дар.

Люся приседает в реверансе, Леха серьезно целует ей руку и вдруг кидается в темноту. Через минуту он возвращается. В руке у Лехи тундровая незабудка — есть такой крохотный веселый цветок. Мы знаем, где Леха ее взял. Незабудка была, наверное, единственная во всей округе и росла возле тропинки, по которой мы ходили к лодке. Не знаю, как объяснить этот биологический феномен, но незабудка еще цвела в середине августа и была такая же крохотная и такая же голубая, как и те, что цветут в июне. Мы дорожили незабудкой.

— Вот, — сказал Леха, — я думаю, братва на меня не обидится.

Братва молча выражает согласие.

Вино мы пили столовой ложкой. Люся наливала каждому ложку по очереди, а потом сама отпивала из этого же кубка. Незабудку она проколола сквозь свитер на груди.

— Сегодня я ваша королева, — говорит она. — Я одарю вас милостями. Возвращайте только ложку. — Люся, ты нарушаешь объективный закон природы, — бормочет Мишка и краснеет. — При твоей внешности и так здорово знать психологию таких опустяг, как мы, — это просто чудо!

— Сегодня мне все говорят комплименты. Один пилот сказал, что у меня настоящие голливудские губы.

— А как ты ухитрилась попасть на вертолет?

— Очень просто. Они чудные, эти пилоты. А я здорово умею сочетать очарование с ледяной вежливостью. Вы свои, вам можно открыть этот секрет...

Не знаю уж, что там она умеет сочетать, но арт создавать настоящую обстановку эта дивчина умеет.

И в самом деле, все обычно и все как-то иначе. Возможно, несколько ложек портвейна слегка затуманили нам головы, потому что мы уже несколько месяцев и близко не видели ничего спиртного. Костер горит ровно и жарко, как и положено гореть порядочному костру. Искоженные нашими ногами чукотская тундра тихо смотрит из темноты, только со стороны моря идет легкий обычный гул да сонно вскрикивают из озер птиц. По-домашнему похлопывает за спиной палаточный брезент.

Мы толкуем обо всем сразу.

— А жаль, что у нас есть радиосвязь! Представляете, парни, возвращаясь на базу и вдруг узнаешь, что целая куча наших ребят уже бежит сейчас по Венере и шлет оттуда веселые телеграммы?

— Или узнаешь, что новейший электронный анализатор обнаружил ошибки в наших расчетах...

— Не ехидничай, Леха, — перебиваю его, — у нас впрямь как-то атрофируется чувство удивления. Наверное, первому смешному паровозу люди удивлялись гораздо больше, чем удивились мы, если и на самом деле попадешь на Марс.

— Конечно, наша психология отстает от техники. Я бы хотела жить в те времена, когда открывали материки и острова и украшали их женскими именами. Тогда чувства были гораздо непосредственнее и проще. Хочу, чтобы какой-нибудь остров носил мое имя. Это же обидно: в космос — можно, а чтобы в честь тебя был назван хоть плохой остров — нельзя.

— Хочешь, мы назовем этот берег твоим именем?

— Правда? Можно?

Уж не знаю, почему, но сегодня все можно. Глухо дышит, посапывает сзади нас тундра, звезды тихо ухмыляются, глядя на трех ошалевших парней. Тонконогая загадочная девушка сидит вместе с ними. Она прижала колени к подбородку и смотрит на костер.

Леха тащит доску от консервного ящика.

— Только я не хочу быть королевой. Раньше острова называли в честь королей. А королевы всегда старые.

— Хорошо, мы назовем тебя принцессой.

— А ребята на курсе зовут меня просто Люськой.

— Отлично, ты будешь принцессой Люськой.

Леха выводит на доске крупными буквами: «Берег принцессы Люськи».

— Ну вот, все как в Антарктиде.

— Жаль, что это понарошку. Но все равно, ребята, для нас это будет мой берег.

Мы толкуем о работе. Люсе для диплома необходимо сделать несколько ботанических разрезов по долине какой-нибудь реки из бассейна Чукотского моря. Тогда диплом, как она сказала, будет «железный»; кроме того, это важно и на самом деле, не только для диплома. Мы слушаем с удовольствием, хотя ничего не понимаем в ботанике.

Миша Борода заговорил было о плоской галечке на холмах Наунако, куда нам предстоит завтра пойти, и о том, как здорово может насолить нам эта галечка — перевернуть всю схему, над которой мы бились целое лето. Но Люся слушала уже через силу. Надо было ложиться спать. Мы вытащили свои мешки из палатки — палатка у нас одна. С моря тянуло сыростью, но дождя нет, и мы отлично выспимся на улице, особенно если подложить под мешки тело-

грейки: оленья шерсть очень сильно впитывает влагу с земли.

— Холодно, — доносится из палатки. И снова, как дружное опереточное трио, мы выдергиваем телогрейки из-под мешков. Они так же дружно летят в палатку. Ей-богу, мы как три брата-акробата, и никто не желает уступать. В палатке еще пошуршало, и стало тихо. Братья-акробаты улеглись на землю.

— Ребята, а вы мне завтра поможете? — сонным голосом спрашивает Люся.

Мы делаем вид, что спим. Наверное, она не слышала, что завтра нам позарез надо в маршрут...

Конечно, утром мы не пошли ни в какой маршрут. С самого утра мы снова почувствовали себя безгласными подданными нашей принцессы, и дощечка, воткнутая у костра, напоминала об этом. Идем делать геоботанический разрез.

На секретном совещании решено, что глупо и непорядочно лишать человека «железного» диплома из-за пары маршрутных дней. Их мы наверстаем. Работы мы не боимся. Кроме того, наука ждет эти ботанические разрезы.

Нужно пересечь всю долину Ионивеем и через определенные интервалы «брать квадраты». На этих квадратах Люся отбирает травку и ягель, меряет мощность дернового слоя, даже считает число кочек на квадратный метр. Через несколько часов у нас уже выработалась специализация: я считаю кочки, Леха «прислуга за все», а Миша Борода и здесь оказался главным пахарем.

На долю принцессы остается общее руководство.

— Так, Борода, давай эту травку сюда.

— Шеф, как там ведут себя кочки?

— Лексей, точи карандаш.

Давненько мы не работали с таким азартом...

На обратном пути не можем не покопаться в своем южноамериканском любимце.

— Как думает Люся, в каком царстве было сделано это чудо техники? — спрашивает между делом Леха.

— В Англии, — незамедлительно следует ответ.

— Ладно, Борода, прощаем тебе принцессу, — говорим мы вечером, когда остаемся одни. — Все же это компанейская девица. Мы даже благословим ваш брак.

— Бросьте вы, хватит!

— А что это ты, рыжий, мнешься? Даже краснеешь...

— Мне неловко говорить об этом, но, знаете, Люся просила помочь ей сделать еще пару разрезов километров за десять-пятнадцать отсюда.

...Мы снова сидим у костра.

— Это не вертолет? — прислушиваясь, спрашивает Люся.

Мы слушаем. Гудит, как огромный шмель.

— Нет. Вертолет не так. «Па-па-па-па!» — изображает Леха, как должен, по его мнению, шуметь вертолет.

Мишка молчит, он все время молчит при Люсе. Влюбился, что ли, на самом деле? Вроде бы на него не похоже. Мишка — железный парень. Его призвание — геология. Впрочем, возможно, и стоит полюбить такую девушку, как Люся.

Та знакомая птаха, что прилетает к нам каждый вечер, заливается в глубине своего куста отчаянно веселой трелью. Люся берет камень и швыряет в куст. Птица умолкает, а Люся продолжает слушать далекий гул мотора. Может быть, она ждет этих пилотов, покоренных комплексом очарования и ледяной вежливости? Только мне здорово не нравится, когда кидают камнями в знакомых птах.

— Миша, а почему тебя зовут Борода-всегда-в-маршруте? — вдруг спрашивает Люся. — Под Джека Лондона работаете? Время-не-ждет, Борода-в-маршруте.

— Это они, — кивает на нас смущенный Мишка.

— Скучно быть все время в маршруте... Одиачать ведь можно.

— Скучно, когда неинтересно. А для Мишки геология — главное, — говорю я.

Что-то Люся сегодня мне не нравится. Сидит, закутавшись в исполосованную «молниями» штормовку. Думает, очевидно, о чем-то своем, очень далеком. Может быть, в мыслях она сейчас на университетской набережной, среди модно одетых, остроумных ребят.

— Можно ведь быть доктором наук и быть дикарем в музыке, дикарем в других науках. Так оно и бывает, — говорит Люся.

— Азарт нужен, — говорит тихо Леха. — Если у тебя есть азарт вообще, а не одна страсть к своей науке, — дикарем не будешь.

— Наш век — век специализаций. Кандидат наук по гайкам, кандидат по шайбам и кандидат по болтам, на которые надевают эти гайки и шайбы. Наукой гореть сейчас не стоит, потому что, ей-богу, вы, ребята, не решите, к чему ваше призвание — к гайкам или к шайбам.

— К технике, — злобно отвечаю ей.

Чем-то странным веет сегодня от принцессы. Или я к ней придираюсь?..

— А ваш вельбот что: шхуна или корвет? — вдруг спрашивает Люся.

Я немного теряюсь.

— Шхуна! Корвет — корабль военный.

— Шхуна! Знаете, кто вы? Хотите, я всех троих поставлю в сан рыцарей тундры?

Люся снимает с Мишкиного пояса финку и по очереди стучит нас по плечу. Она стоит на коленях, в узких брюках и свитере. Я замечаю, что у Люськи очень-очень тонкая талия. Мы с Лехой отводим глаза в сторону, Мишка смотрит ей в лицо.

— Ребята, — снова делает она неожиданный переход, — так вы сделайте мне те два разреза вверх по течению?

— Давай я один... — обращается ко мне Мишка. Он не глядит на меня. — За пару дней управлюсь, а вы пока в маршрут...

Но у нас нет сейчас двухдневных маршрутов.

— Ладно, старик. Сделаем втроем. Только потом, сам понимаешь.

— Ой, спасибо! — хлопает Люся в ладоши. — Значит, так: два разреза — семь и пятнадцать километров от устья. Как делать, вы уже знаете, а я тем временем займусь описанием прибрежной.

— Зачем спешка-гонка? — спрашивает Леха. — Пойдем с нами.

«Набери побольше материала для «железного» диплома», — говорит Мишка своим видом.

— В Москву очень хочется, — как-то ненатурально смеется Люська. — Я забыла сказать вам: эти летчики обещали залететь за мной через пару дней.

Так вот почему она слушала вертолет!

— Брось ты, Люся, этот вертолет, — говорю я. — Вертолеты будут. Но такой тундры, такого августа больше не будет. И таких подданных у тебя, принцесса, не будет.

Люся серьезно слушает.

Мы уходим чуть свет: позавтракаем на месте. Люся еще спит. Мишка немного замешкался. Он догоняет нас, как лось перемахивая через кочки. В рюкзаках непривычное ботаническое снаряжение. Молчит Леха, молчу я, только Миша весело посвистывает.

...Мы устали, как упряжные собаки. То ли работа непривычная, то ли просто ее очень много. Рвем травку — это тебе на диплом, Люся! Считаем-пересчитываем кочки —

это за то, что у Мишки, кажется, закружилась голова. Считаю шаги, чтобы знать, когда остановиться и снова щипать травку, — это за то, что встретила девушку, так же, как и мы, понимающая романтику. Что ж, поработаем!

Мы сделали все как надо. В рюкзаках приятная трудовая тяжесть. Оказывается, когда дело сделано, даже чужая работа, все равно приятно. В чем-то дипломе, в чьей-то науке будет доля и твоего труда. Долой узость специализации!

У палатки тихо. Наверное, наша принцесса работает на берегу.

— Трудяга, — говорит Леха и... замолкает. Мы смотрим туда же, куда и он. В центре выжженной костром площадки стоит дощечка «Берег принцессы Люськи» и рядом записка, воткнутая в расщепленную палочку. Мишка быстро берет записку, потом протягивает нам.

«Мои рыцари тундры, — читаем мы, — к сожалению, вертолет прилетел на день раньше. Он идет прямо в Провидение. Для меня это очень удобно. Диплом — не диссертация, напишу без этих разрезов. А лучше привезите мне их в Москву. Пока. Люська, принцесса».

Я смотрю на Мишку. Он берет рюкзак за уголки и медленно начинает вытряхивать гербарий прямо на землю. Он молчит. Леха рывками опустошает свой рюкзак и вдруг подходит к дощечке. Заносит сапог, и «Берег принцессы Люськи» со свистом летит в сторону.

— Зря ты, Леха, — голос у Бороды как будто спокоен. — На свете Людмил тыщи. Есть и другие...

Птаха в кустике вдруг тихонько пискнула и взлетела на самую верхушку. Она качается на тонкой веточке и косит на нас черным блестящим глазом. У птахи желтая грудь и невзрачные серые крылья.

— Это что, канарейка? — спрашивает Леха.

Мы молчим.

ТРИНАДЦАТЬ ШАГОВ

Водолаз Владимир Дорешенко.

Перед спуском.

Боцман Аверченко — «дядя Федя».

Е. ФЕДОРОВСКИЙ,
наш спец. корр.

Фото автора

Рисунки П. ПЕТРОВА

Первый шаг сделан. Володя качнулся и легким гребком восстановил равновесие. «Ух-ух-ух», — отдается в ушах. Напрягается, кажется, каждая клеточка легких. Пузырьки рвутся наружу, торопливо бегут к поверхности.

Там, наверно, стоит знойная осень. Желтые берега, ободранные морем, прокалены солнцем. Шелестит иссохшими ветками стрелчак, встречая норовистый ветер. Стрелчак расселился на завалах и пустырях, где греются заржавленные мотки колючей проволоки, буро-красные, похожие на спешущую кровь, осколки бомб. За бонами тяжело ворочается море. Солнечные блески трепещут, кружат на зеленой волне.

А здесь мрак и холод. Застывший мир глубины.

Второй шаг. Откуда-то пробивается дрожащая дорожка света. Глаз едва-едва различает ее в фосфорических пятнах бугристых фукусов, колючих саргассум, нежных порфир и одонталей — водорослей, плотно заселивших чрево мертвого корабля. Двигутся призраки, существа из чужих, неведомых миров. Один призрак, горящий изнутри чудовищно ядовитой зеленью, ударяется в иллюминатор, трясется, как разогленный старец, и выпускает лип-

кую струю. Все неземное, не знающее солнца, тепла, кружит. Пузырьется, шарахается в стороны. Реальность обретает здесь фантастические формы, и фантазией кажется сейчас тот мир из которого несколько минут назад спустился Володя.

Тяжелая свинцовая подошва скользит по накренной палубе отсека, отмеряя третий шаг. В одной руке Володя держит длинную доску. Прижимает к груди как самую дорогую, самую хрупкую вещь.

Он как будто идет с зажженным факелом у пороха. А с факела срываются искры. Он как будто идет над бездной по натянутой бечеве, и неизвестно, на котором шагу она лопнет — на четвертом или на десятом.

Пятый шаг. У шлема колеблются два безобидных проводочных усика. Это проводники ртутного детонатора. Сам детонатор не толще карманного карандаша, но от его взрыва рванут тротилловые шашки, привязанные к доске. Тридцать пять килограммов тротила должны разнести особо стойкую броню артиллерийского погреба, не поддающуюся никакой резке.

Чувствительный детонатор взрывается от малейшего толчка, от едва заметного сотрясения. С детонатором и толком надо

пройти тринадцать шагов. Из них шесть — по палубе, шесть — спустившись в трюм, и один, последний, — по отсеку второго днища, где и лежит бронеплита.

Могила корабля на той глубине, куда с большим трудом может проникнуть человек. Если в скафандре образуется крошечный прокол, то вода под громадным давлением вонзится в тело, как длинный стальной шприц.

На шестом шагу Володя отдыхает, прислонившись к шершавой стенке надстройки. Легкие с трудом втягивают воздух.

Его фамилия — Дорошенко. Но ребята прозвали его «Кранцем». Кранец — это та пузатая, плетенная из пеньковых шкертов груша, которая висит по бортам кораблей и при швартовке смягчает удары. Заслуженный, ободранный о причалы кранец такой же большой и рыжий, как и сам Володя. Кирпичная шевелю-

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ
СЕРДЦАХ

ра водолаза вьется колечками около висков. Серые глаза выглядывают из-под лохматых бровей.

Володю считают человеком без нервов. Командир не случайно послал с зарядом тола именно его. На большой глубине затормаживается мышление, теряется способность ориентироваться. Но Володя умеет не поддаваться страху.

И сейчас он стоит у ржавой стенки. Рядом люк. По нему надо спуститься в трюм.

Ногой он нащупывает край люка. Он знает: трапика нет, сорван. Вот здесь, пожалуй, пригодился бы фонарь. Впрочем, нет. С ним хуже. Фонарь дает лишь маленький клин света, он только притуплял бы бдительность. А сплошная темнота заставляет измерять каждый сантиметр, двигаться вперед, ощущая невидимые препятствия всем существом, каждым нервом.

Володя повисает над люком и начинает потихоньку стравливать, выпускать из скафандра поступающий по шлангам воздух. Скафандр тяжелеет, тонет, и ноги водолаза проваливаются в пустоту. Калоша касается какой-то решетки, перегородившей вход в трюм. В тесной трубе прохода Володя не может нагнуться, ощущать ее. Он ходил здесь раньше, но не замечал решетки. Володя вспоминает истлевшую на сгибах кальку, на которой изображена схема чужого миноносца, непрощенного гостя, нашедшего могилу в наших водах. На кальке не обозначено никакой решетки... А сорванный взрывом трапик лежал внизу и никому не мешал. Откуда же вдруг под ногами решетка?

Еще сильнее прижав к себе тол, Володя сгибает колени, пытаясь свободной рукой дотянуться до решетки. Спина и колени упираются в стенки. Нет, нащупать не удастся...

Володя снова стравливает воздух. Скафандр уменьшается в объеме, и тотчас тело наливается свинцом. Обнявшая со всех сторон толща воды сжимает мускулы. Кровь густеет. Сердцу трудно проталкивать ее по артериям. В виски барабнят металлические шарики.

В глазах вертятся, прыгают, мечутся красные круги. Все проваливается в пустоту. Глубинное опьянение. На волоске повисает сознание. Но в какую-то долю секунды оно улавливает грохот в наушниках.

— До... до... ой... Ж-жем!

Володя нажимает затылком клапан, и в скафандр врывается живительный воздух, нагнетаемый оттуда, сверху, из солнечного мира.

— Что ты молчишь? Отвечай! Ждем! — доносится более яственно голос боцмана Аверченко.

Надо быстрее ответить ему, успокоить, но Володя никак не может разжать губ.

Боцмана водолазы зовут просто дядей Федей. Володя на миг представляет старого эпроновца. Он сейчас прижался к телефонной трубке, ветер треплет седые волосы, которые еще сильнее оттеняют запеченное на солнце морщинистое лицо.

— Отвечай же! — голос дяди Феде срывается. Слышно, как он хрипло кашляет.

В глубине смерть и жизнь стоят рядом. И если водолаз молчит, с ним что-то стряслось, ему нужно помочь немедленно.

Володя выжимает одно слово:

— Иду...

И чувствует, как решетка вдруг слабо плывет вниз, уходит из-под ног. Стоп! Да это же плавают трап. Спрессованные толщей потоки носят здесь тяжести, как легкие пушинки. Открытие неприятно поражает Володю. Плавающие куски железа могут заклинить выход, придать шланг, ударить по детонатору.

Одна калоша попадает на сорванный ствол пушки. Калоша скользит. Идти вдоль

Эта дыра невелика. Обычно водолазы пробирались сквозь нее, освободившись от инструмента и выпустив из скафандра почти весь воздух. Но ведь тол не бросишь...

Седьмой шаг. Какой-то светящийся комочек вьюном взлетает кверху, и снова пространство заполняется густой тушью. Ни отблеска, ни малейшего лучика. Все вокруг, как в фотографическом мешке, непроницаемо для света. На земле никогда не бывает такой густой темноты.

Володя идет так, будто ему завязали глаза. Свободную руку он выбросил вперед. Шаг. Калоша попадает между двух обломков железа. Он пробует вытащить ее, но подошва, видимо, за-

цепилась за болты. Осторожно он опускается на колени и кулаком выбивает калошу из щели. Два тонких усика детонатора кольщутся от толчков.

Девятый шаг Володя делает еще осторожней. Хочется броситься вперед, рывком преодолеть последние три метра. Будь что будет! Кому суждено жить — не умрет. «Но погоди, — останавливает себя Володя. — Чаще умирает слабый. Он бросается под пулю, у него нервы не выдерживают».

— Где находишься? — подключается дядя Федя.

— Десятый шаг.

Дядя Федя молчит, не выключая передатчика. Видимо, отыскивает на кальке место, где остановился Дорошенко. Потом тихо спрашивает:

— Устал?

Таким тоном может говорить человек, все испытывший и видевший, человек, поднявший со дна не одну тонну металла, не одну сотню неразорвавшихся мин. Он сейчас уже стар, этот человек, сердце не выдерживает больших перегрузок. Ему дали пенсию. Но боцман все равно остался у дела, без которого жизнь пуста и все радости не в радость.

На своем веку Аверченко научил немало людей нелегкой водолазной работе. И сейчас Володя хотел бы сказать, как он благо-

дарен ему: «Ты для нас очень много сделал, старик. Ты научил нас любить море и не бояться опасности».

— Дядя Федя! — говорит Володя.

— Слушаю, — отвечает боцман и переключается на прием.

— Ничего... проверка связи.

— Чудак, — рассмеялся дядя Федя.

Очень уж длинные эти четыре последних шага. Проклятая чертова дюжина!

«Но ты же мог отказаться! Тогда пошел бы с этим толком Костя Губченко, или Миша Подзираев, или Семен Дьячков».

Сейчас они стоят у телефона. Когда товарищ внизу, они всегда стоят у телефона и не скупятся на добрые слова. А когда он поднимется на поверхность, они снимут шлем, дадут папироску, помогут освободиться от скафан-

дра и спокойно займутся своими делами. Володя вдруг ясно ощутил теплоту солнца, запах раскаленной палубы и соленый привкус ветра.

— Сынок! — позвал дядя Федя. — Даю побольше воздуха! Тебе уж не так далеко идти. Ты понял?

Еще один шаг. Наедине с дядей Федей он сказал бы, что, наверное, трусит...

Совсем недавно Володя работал с Костей Губченко в трюме. От горелок автогена под потолком образовалась подушка гремучего газа. Если бы пламя резака попало в нее, она взорвалась бы, как бомба. Костя первым почувствовал опасность. Страх не парализовал его, а заставил действовать быстро и решительно. Губченко оттолкнул Волсдю вниз, а сам поднес горящий резак, как спичку, к пороху. Тугой взрыв всколых-

Лодка вернулась на базу

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

-Встать! Смирно! Горин выслушал доклад дежурного. — Здравствуйте, товарищи курсанты! — Здра... жела... тарниц... тан второго ранга!

Перелистывая журнал длинными сухими пальцами, Горин отыскивал нужную страницу.

— Наверное, вместо Борякина будет, — свистящим шепотом сообщил соседу курсант за первым столом.

— Вместо Борякина не буду, — сказал Горин, продолжая писать в журнале. — А вот вместо капитана третьего ранга Борякина, который заболел, занятие сегодня проведу я. Чем вы занимались вчера? Ну, вот вы... — обратился он к смуглолицему курсанту, который с любопытством рассматривал незнакомого преподавателя.

— Курсант Николаев. В прошлый раз изучали живучесть технических средств.

— Ну, если так, идите к доске и нарисуйте продольный разрез подводной лодки... Не стесняйтесь, рисуйте во всю доску, так, чтобы на лодке можно было плавать.

«Кого-то он мне напоминает, — подумал Горин, глядя на Николаева. — Есть что-то в нем застенчивое, неуверенное, а между тем он явно не из робких. Затылок с белым вихром...»

Курсант сильно нажимал на доску, мел под его рукой крошился и сыпался на пол. Лодка получилась похожей на камбалу.

— Корабль солидный, — серьезно сказал Горин. Николаев оглянулся и покраснел. Хотел было стереть, но Горин остановил:

— Нет, нет, не стирайте. Надо бороться за живучесть своей лодки.

В классе кто-то хмыкнул.

— Плохо, что вертикальный руль забыли. — Горин перевел взгляд с доски на Николаева и вдруг вспомнил: «Да он же на Кедрова похож! Такой же затылок... вихор... Старшина Кедров!»

Горин встал, медленно прошел к доске, одним росчерком нарисовал руль.

— Чтобы никто из вас не забывал об этом руле, представим такой случай. Привод оборван, вертикальный руль повернулся до упора вправо и заклинил. Что будет с лодкой, курсант Николаев?

— Она будет... она будет поворачивать все время вправо.

— А это значит, — закончил за него Горин, — лодка пойдет по замкнутому кругу. А ведь ей надо на базу, домой. Лодка выполнила задание, находится под боком у врага, у нее кончаются все запасы, а она ходит по кругу. Что же делать, курсант Николаев?

Горин стоял перед Николаевым, высокий, прямой, подтянутый, и, не мигая, смотрел в серые прищуренные глаза курсанта. А мысли ушли в тот далекий день, в мрачный, сырой рассвет.

...Густой туман висит над морем. Едва различимая темная полоса вражеского берега медленно поворачивается в круглом глазу перископа...

— Что же делать? — машинально повторил вопрос Горин.

Николаев молчал. Молчал и класс.

Горин подошел к окну.

— Была осень 1942 года, — начал он тихо. — Одна из подводных лодок Балтийского флота ночью торпедировала фашистский транспорт. Потом ее глушили бомбами. Лодка меняла глубины и курсы, уходила от преследования. И вдруг перестала управляться. На двадцатиметровой глуби-

нул глубину, но Костя уже нырнул за Володией и остался цел. Боксеру нужно угадывать удар противника, подводнику важно вовремя заметить опасность.

Двенадцатый шаг. Притаилась дремлющая во взрывчатке сила. Ждет, когда человек разбудит ее. Володя касается рукой проводников, связи пакетов, крепко затянутых шкертом. Пока все в порядке. Он слышит свое дыхание — резкий вдох и выдох. Он ощупывает неровные, острые края изрезанного металла. Черт, как тесна эта дыра!

Слышится голос дяди Феде:

— Сынок, попробуй пролезть вниз головой, крепче держи тол. Дядя Федя подсказывает как раз в самый нужный момент.

— Больше воздуха! — кричит Володя изо всех сил.

Скафандр расширяется. Володя пытается перевернуться. Но,

как назло, калоши не отрываются от палубы. Тогда он ложится и на свободной руке делает стойку. Скопившийся в скафандре воздух медленно поднимает его ноги. Он висит над самой дырой. Обими руками просовывает доску с толком вниз и стравливает воздух, опускаясь, как ныряльщик в замедленной съемке. Володя не чувствует скорости, не может судить, на сколько сантиметров продвинулся вниз: темнота.

Вдруг резкий толчок в плечо останавливает падение. Тридцатипятикилограммовый груз неожиданно выскальзывает из рук. Черт возьми, сейчас, в эту секунду!..

Головой он ударяет по клапану, выпускает из скафандра почти весь воздух, быстро скользит вниз и успевает схватить доску со взрывчаткой. Тут же шлем ударяется о днище.

— Больше, больше воздуха! — хрипит ссохшееся горло.

Тринадцатый шаг. Он делает его на последнем остатке сил. На жестоком упорстве. Где было положено начало этому упорству? В детстве или в буднях трудной и опасной работы? Если человек хочет дойти до цели, у него всегда остается для последнего шага этот запас упорства. В большом и малом.

Всегда и во всем.

Пальцы прикручивают к усикам детонатора концы провода. Через несколько минут взрыв разнесет крепкую броневую плиту артиллерийского погреба. Пальцы прыгают!..

«Тише, тише! — успокаивает себя Володя. — Ну, куда теперь торопиться? Ведь тринадцать шагов позади. А там, наверху, ничего интересного. Море и волны — только и всего...»

не она упрямо двигалась по кругу. Все попытки поставить корабль на курс оказывались безуспешными. Кончался запас электроэнергии и кислорода.

К рассвету командир принял решение всплывать. Надо было двоим выйти наружу, пройти в корму и залезть в концевую систерну¹. И по ней проползти с инструментами и фонарями к приводу руля и там найти и исправить повреждение...

— Но ведь лодку могли заметить? — прошептал Николаев.

— Тогда пришлось бы уходить на глубину. Из-за двух людей в систерне не погибать же всему экипажу...

Горин замолчал. «Разве расскажешь этим хлопцам, как это было?..» Конечно, должен был идти механик лодки, а кто пойдет вторым? Вызвался идти командир отделения рулевых Кедров. Ему тоже надо было идти. Он хорошо знал приводы руля. Командир сказал:

«Мы постараемся вас дождаться. Только быстрее налаживайте. Быстрее!..» Все знали, что в случае опасности лодка будет срочно погружаться, и те двое останутся в систерне.

— Так вот, в систерну полезли механик и старшина, — громко проговорил Горин. — Оказалось, что от сотрясений срезался палец тяги. Пришлось ставить новый. Через три часа руль был восстановлен. Лодка вернулась на базу.

...Три часа в систерне.

Нет, они не ощутили, как длинны были эти часы.

Они помнят, как раздался звонок.

Сотни раз они слышали этот сигнал, означающий команду «Открыть кингстоны». Но тогда они были в отсеках, со всеми... Нет, никогда звонок не звенел так нетерпимо, неправдоподобно долго.

Сейчас хлынет вода.

А Кедров? Механик в этот момент видел его глаза. Серые глаза, потемневшие от ужаса.

Они считали секунды: раз... два... три...

Почему так долго нет воды? Не работает гидравлика? Тогда откроют вручную.

Опять — раз, два...

Кингстон не открылся. И снова они работали, работали, забыв о времени.

Оказывается, командир после звонка отменил команду. Об этом они узнали после. Командир увидел немецкий самолет. Разведчик летел прямо

на лодку. И почему-то отвернул. Может, не заметил? Или лодку, стоящую рядом с немецким берегом, посчитал за свою?..

— Вот что делали подводники, когда на лодке закончился вертикальный руль, — закончил Горин.

— Разрешите вопрос?

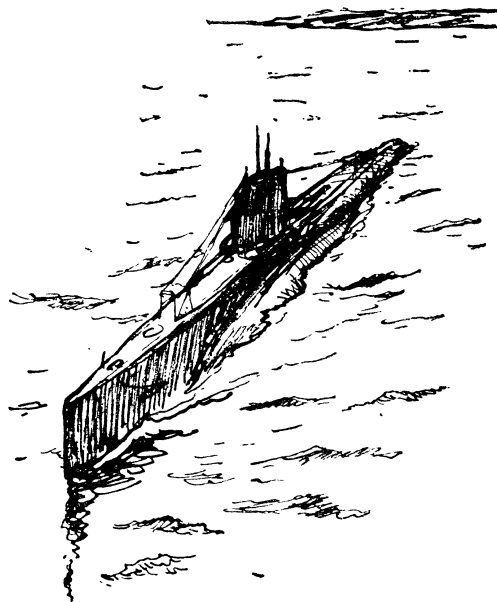
— Пожалуйста.

— Этих людей наградили?

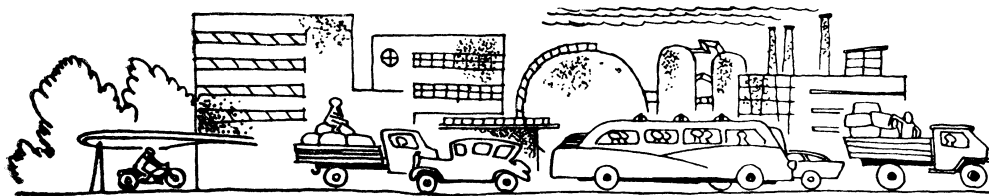
— Наградили. Орденом Ленина. Только, говорят, механик в этой систерне поседел...

После занятия, когда Горин, попрощавшись, вышел из класса, Николаев спросил приятеля:

— А ты заметил, у него вся голова седая и на орденой колодке ленточка ордена Ленина?

¹ Систерна — отсек корабля для приема забортной балластной воды.

Е. ПАРНОВ, М. ЕМЦЕВ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

СТРАНА „СРЕДИЗЕМНОМОРЯ“

А древние мореплаватели называли Средиземное море Великим Морем Заката. В какой-то мере это название даже символично. Воды Средиземного моря были свидетелями заката многих великих цивилизаций — Древнего Египта и Рима, Финикии и Эллады...

Ныне человек все увереннее берет в свои руки власть над планетой. Проекты, которые еще вчера казались фантастическими, становятся сегодня темой научных дискуссий¹. И кто знает, быть может, уже наше поколение увидит, как начнет усыхать... само Средиземное море...

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как появилась книга немецкого инженера Германа Зергеля «Опускание Средиземного моря». В последнее время о ней говорили вновь.

Средиземное море, по мнению многих ученых, стало морем сравнительно недавно. Каких-нибудь пятьдесят тысяч лет назад к востоку и западу от Сицилии простирались два огромных пресноводных озера. Созданные самой природой «плотины» отделяли эти озера от океана, Черного моря и друг от друга. Одна из плотин соединяла южную оконечность Испании с Марокко, другая — Италию и Тунис, третья — Грецию и Малую Азию. Потом разразилась беспрецедентная геологическая катастрофа: «плотины» исчезли, открыв дорогу водам Атлантики. На месте пресноводных озер и суши образовалось море.

Восстановить затопленную площадь, исправить невольную ошибку природы — такова цель проекта Германа Зергеля.

Каждый год жаркое солнце уносит с поверхности Средиземного моря больше четырех тысяч кубических километров воды. Реки, впадающие в Средиземное море, существенной роли в его водном балансе не играют. И все же море не мелеет: Атлантический океан и Черное море приносят ему взамен свыше трех тысяч кубических километров воды.

Еще тысяча кубических километров возвращается к нему с неба в виде дождя. Отвратить дождь человек пока не может. Но изолировать Средиземноморье от атлантических и черноморских вод ему по силам.

Зергель предложил построить две плотины — через Гибралтар и Дарданеллы. Лишенное притока новых вод, Средиземное море начнет усыхать. Уровень его будет ежегодно понижаться приблизительно на один метр. Уже через десять лет можно будет использовать образовавшуюся разность уровней Атлантики и Средиземного моря для получения дешевой энергии, которую дадут турбины, заложенные в тело Гибралтарской плотины.

Через сто лет в распоряжении человека окажутся 150 тысяч квадратных километров обнажившейся суши. Сардиния сольется с Корсикой. Станут единым островом Мальорка и Менорка. Адриатическое море добавит Греции изрядный кусок земли. Между Тунисом и Сицилией, Сицилией и Апеннинским полуостровом останутся только узкие проливы, которые также легко перекроить плотинами. Тогда усыхание Средиземного моря пойдет еще быстрее. В результате люди получат 600 тысяч квадратных километров великолепнейшей земли.

Конечно, все это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Если Дарданеллы, которые в самом широком месте едва достигают 1 300 метров, перекрыть не так уж трудно, то с Гибралтаром все обстоит значительно сложнее. В самом выгодном для сооружения плотины месте глубина пролива равняется 300 метрам, а ширина — 25 километрам. Чтобы противостоять напору стометрового уровня океанских вод, плотина должна быть очень мощной, иметь форму гигантской тридцатикилометровой подковы с шириной 500 метров у основания. Это беспрецедентное сооружение сравнимо, пожалуй, только с плотиной Берингова пролива, проект которой выдвинул советский инженер Борисов.

Однако не только мощные плотины предстоит соорудить строителям. В результате обмеления моря многие

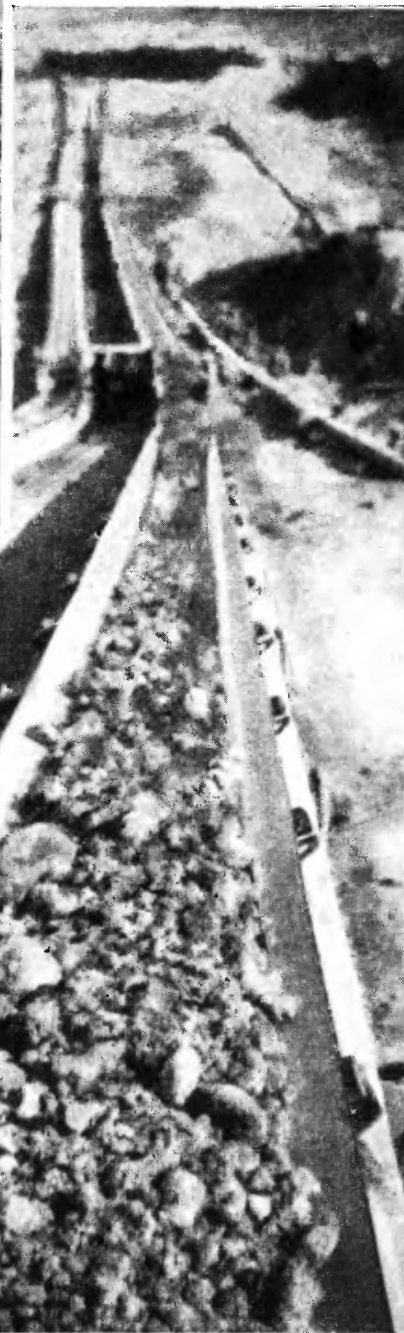
сегодняшние порты не смогут принимать корабли. А ведь на морских картах Средиземное море испещрено линиями постоянных рейсов. Чтобы и впредь оно оставалось очагом торговли и морского парохозяйства, нужно будет построить каналы, сложные системы шлюзов и даже новые порты.

И все-таки 600 тысяч квадратных километров новой земли — территория большая, чем Франция, — это говорит само за себя! К тому же значительно улучшится климат средиземноморских стран. Сейчас оливковые рощи Южной Испании и виноградники Франции часто страдают от раскаленного дыхания Сахарской пустыни. Опускание Средиземного моря изменит систему преобладающих ветров, в результате саванны и суховеи окажутся запертыми в пустыне.

Итак, проект Зергеля сулит большие выгоды. Но говорить всерьез о его осуществлении нельзя до тех пор, пока не покончено с «холодной войной», навязанной человечеству империалистами. Она отнимает у народов ежегодно сумму средств, равную стоимости всех товаров, обращающихся в мировой торговле. Если направить эти средства на мирные нужды, людям будут по плечу самые грандиозные проекты преобразования земли.

¹ Об одном из таких проектов — создании электростанций на Красном море — уже рассказывалось в нашем журнале (см. «Вокруг свега» № 3, 1961 г., «Гидростанция на море»).

ЗОЛОТАЯ ЧАША

Золотистый песок и пахучие сосны, неширокая лента спокойной Вислы. Повернуты окнами к солнцу трех-четырёхэтажные светлые дома; покрашенные в яркие цвета просторные балконы-лоджии делают их необычайно привлекательными.

Вечерний воздух чист и звучен: негромкая веселая мелодия разносится по всему поселку. В большом зале клуба танцует молодежь, стучат шары бильярда, бойкие девушки разносят по столикам пирожные и кофе.

«Приятное курортное местечко», — думаешь, глядя на новый поселок, раскинувшийся на окраине польского города Тарнобжега. Здесь живут рабочие серпной шахты и химкомбината — производств, считающихся одними из самых тяжелых, грязных и вредных для здоровья. И вдруг — курорт!

Таков поселок. Ну, а шахта? Чтобы попасть к ней, нужно перебраться по новому мосту на другой берег Вислы. Шахта находится в 15 километрах от поселка. Каждое утро рабочих доставляют сюда автобусы.

И вот нашему взору открывается огромная овальная чаша. Длина — несколько сот метров, глубина — 25—30. Добыча здесь ведется открытым способом.

Подробнее о начале работ в Тарнобжеге см. «Вокруг света» № 9 за 1958 год, стр. 38.

Дно чаши абсолютно сухое, только в двух-трех местах пускают солнечных зайчиков крохотные лужицы. Куда же деваются грунтовые воды, ведь разработка расположена на берегу реки?

Сопровождающий нас молодой геолог из управления показывает на толстую трубу, торчащую из земли. Два ряда мощных насосов, окаймляющих котлован, перехватывают воду глубоко под землей, на подступах к разработке. Они словно надежная плотина, вставшая на пути подземных вод.

На дне чаши — золотой поясok. Это тянется семиметровый слой серы, освобожденный от скрывавших его пластов. Сколько смелого научного предвидения, настойчивости и труда проявили польские геологи во главе с профессором Павловским, чтобы обнаружить этот драгоценный поясok! И теперь серные залежи — одни из крупнейших в мире — законно считаются в Польше национальным богатством. Из этой и других золотых чаш, которые скоро возникнут на привислинских равнинах, черпает страна миллионы злотых, так необходимых для развития народного хозяйства.

...В золотой поясok вгрызаются ковши нескольких экскаваторов. Отсюда, сверху, они кажутся совсем крошечными. А людей не видно. И не потому, что их невозможно разглядеть. Ручной труд на карьере совсем исключен. Рабочие — это в большинстве своем машинисты экскаваторов, транспортеров, мотовозов, механики-наладчики.

Многоковшовый экскаватор — огромная землеройная машина чехословацкого производства — снимает земляную крышку и подает землю на широкую ленту транспортера, который тянется через всю разработку к вершине отвала.